При вступлении войск царя Алексея Михайловича в Белоруссию население встречало их как давно желанных освободителей от польско-католического ига. В современных польских реляциях говорится: «Здешние (белорусские) города угрожают явно возмущением, а другие наперерыв сдаются на имя царское... Мужики (белорусы) – говорится в другой реляции – молят Бога, чтобы пришли москвитяне...»

Лучшим выразителем чувств, воодушевлявших, по мнению А. П. Сапунова, белорусов во время присоединения Белоруссии к России, является архиепископ Георгий Конисский. «Тяжкие узы расторгнуты повелением твоим, – говорит достойный архипастырь Великой Императрице, – ныне настали нам времена прохладные: укротились свирепевшие… Мы и в восторг приходим, и недоумеваем, сон ли се сладкий нам, или истинное событие…» Это только не фразы. Известный польский патриот Немцевич (сподвижник Костюшки) пишет: «Я должен сознаться, что эта страна (Белоруссия) сильно выиграла в материальном отношении со времени раздела»[10].

Кроме того, А. П. Сапунов указывает на проявление сочувствия и стремления к единению в неоднократных попытках «западно-русских людей к избранию на престол литовско-польский государей русских». Этот факт был при Василии III, Иоанне IV, его сыне Феодоре и при Алексее Михайловиче. Также А. П. Сапунов отмечает и тот факт, что один из «замечательнейших западно-русских людей», литовский канцлер Лев Сапега, писал канцлеру коронному Радзивиллу по поводу избрания на польско-литовский престол Феодора Иоанновича: «Господь мне свидетель, что я желал иметь государем московского князя, хотя и видел много препятствий этому»[11].

Завершая краткий обзор историко-этнографических исследований и взглядов А. П. Сапунова в период его творческой и научной деятельности, который приходится на последнее десятилетие XIX в., хотелось бы отметить, что А. П. Сапунов видел «беспрерывное взаимное тяготение Руси Белой и Великой» как в политическом, так и в религиозном отношениях. Особенно важным является то обстоятельство, что А. П. Сапунов в конечном итоге говорит о равном взаимоотношении двух великих народов – русского и белорусского, не лишенных как общих корней, так и неповторимой самобытности и индивидуальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] Сапунов А. П. Исторические отношения Руси Белой и Великой // Памятная книжка Витебской губернии на 1898 год. (прил., с. 3).
[2] Сапунов А. П. Исторические отношения… (прил., с. 4).
[3] См.: Сапунов А. П. Исторические отношения… (прил., с. 3).
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Сапунов А. П. Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906. С. 98.
[7] См.: Сапунов А. П. Исторические отношения… (прил., с. 4).
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Там же (прил., с. 3).
[11] Там же.

Поступила в редакцию 14.02.13.

***Юлия Валерьевна Функ*** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков.

*УДК 353.2(476)(091)«18/19»*

*А. А. СТРАЛЕНЯ*

## СУДЕБНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ (конец XIX – начало XX вв.)

Сделана попытка охарактеризовать судебные полномочия земских начальников в белорусских губерниях в конце XIX – начале XX в., так как их деятельность остается малоизученной темой, о которой в белорусской историографии упоминается лишь косвенно, несмотря на значимость этой тематики для анализа социально-политических процессов в Беларуси в конце XIX – начале XX в. Анализируется деятельность института земских участковых начальников как судебной инстанции, рассматривается попытка совмещения в руках земских начальников административной и судебной власти и функций надзора за волостными судами, показан процесс взаимодействия местной власти и населения. Делается вывод о степени эффективности практической деятельности земских начальников в качестве органа правосудия.

***Ключевые слова:*** земские участковые начальники; административно-судебные учреждения; белорусские губернии.

In the article there was made an attempt to characterize the judicial power of district captains in the Belarusian provinces in the late XIX – early XX century, as their activity still remains not sufficiently studied. It is mentioned in the Belarusian historiography only indirectly, in spite of the importance of this subject for the analysis of socio-political processes in Belarus in the late XIX – early XX century. The activity of the institute of district captains as the body of judicial instance is analysed, an attempt to combine administrative and judicial authorities in the hands of district captains as well as the functions of supervision for the peasant courts is considered, the process of interaction between the local authorities and the population is shown. In the result the conclusion is made about the effectiveness of practical activity of district captains as the body of justice.

***Key words:*** district captains; administrative and judicial institutions; the Belarusian province.

В Российской империи в конце XIX в. была проведена реформа местного управления, согласно которой был введен новый административно-судебный орган власти в лице земских начальников. Зем-

ский начальник должен быть «близкой к народу твердой правительственной властью, которая соединяла бы в себе попечительство над сельскими обывателями с заботами по завершению крестьянского дела и с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и прав частных лиц в сельских местностях»[1]. Особенностью земских начальников было соединение в их руках административных и судебных полномочий.

Деятельность земских начальников остается малоизученной темой, о которой в белорусской историографии упоминается лишь косвенно, несмотря на значимость этой тематики для анализа социально-политических процессов в Беларуси в конце XIX – начале XX в. Изучение судебных полномочий земских начальников в Беларуси определяется также практической значимостью, так как это исследование отражает картину взаимодействия местной власти и населения. В данной работе сделана попытка охарактеризовать судебные полномочия земских начальников в белорусских губерниях в конце XIX – начале XX в.

Изучение института земских начальников началось еще в дореволюционный период исследователями В. А. Беэром, В. М. Гессеном, А. А. Корниловым, но они дают лишь общую характеристику новой власти и не затрагивают деятельность земских начальников в белорусских губерниях. Исследование В. А. Беэра посвящено анализу Положения от 12 июля 1889 г. и состоит из комментариев основных его статей. Работа К. Я. Кожухара содержит общую оценку института земских начальников. Материал по истории разработки и принятия Положения 12 июля 1889 г. изложен в работах П. А. Зайончковского и Г. А. Джаншиева. В советской историографии институт земских начальников рассматривался как реакционная мера и одна из контрреформ Александра III. Среди современных исследований необходимо выделить кандидатские диссертации российских авторов Н. А. Бузановой и Н. В. Башкиревой.

Должность земских начальников была введена в Российской империи по Положению от 12 июля 1889 г. В административном плане земские начальники должны были заменить собой мировых посредников, а в судебной области к земским начальникам перешли дела мировых судей, деятельность которых подвергалась резкой критике со стороны помещиков. Это стало одной из причин ликвидации мирового суда и введения нового судьи-администратора в лице земского начальника. В первую очередь это было связано с отсутствием юридического образования у многих судей, так как ценз для этой должности был ограничен средним образованием[2]. По мнению разработчиков этого законопроекта, главнейшая задача и высшее качество правосудия мирового судьи – примирение. Для успешного исполнения такого важного призвания мировой судья должен пользоваться особым доверием местных жителей, которое он мог заслужить не столько юридическим образованием, сколько знанием народных понятий, нравов, обычаев, вообще всех условий местной жизни и в особенности своим здравым умом, честным характером и безукоризненным поведением[3]. Мировому суду ставили в вину и то, что земские собрания недостаточно серьезно относились к избранию судей, на их выбор зачастую влияло кумовство. Эти недостатки в должности и стали одной из причин проведения реформы местного самоуправления.

Введению института земских начальников предшествовали жалобы помещиков, в том числе и из белорусских губерний, на мировые и волостные суды. Причину захвата крестьянами помещичьих земель, потрав полей и порубок леса помещики видели именно в несовершенстве мировых судов[4].

В 1889 г. должность мирового судьи была упразднена, а его полномочия были разделены между городскими судьями, уездными членами окружного суда, волостными судами и земскими начальниками. Правительство не решилось сразу распространить Положение 1889 г. на белорусские губернии, так как опасалось усиления польского влияния. В 1890-е гг. помещики белорусских губерний возобновили жалобы на мировые суды. Причинами жалоб они называли бессилие мировых судов в борьбе с потравами полей или порубками леса крестьянами. Губернаторы также ставили вопрос перед правительством о необходимости распространения Положения о земских начальниках и на белорусские губернии. Александр III согласился с этим предложением. В 1898 г. Министерство внутренних дел разработало и внесло в Государственный совет проект закона о введении института земских начальников в Минской, Могилевской и Витебской губерниях. Большинство совета посчитало местное дворянство неблагонадежным и отклонило проект. Этот вопрос был снова вынесен на Государственный совет только в 1900 г.[5] Положение о земских участковых начальниках было введено в Витебской, Минской и Могилевской губерниях 12 июня 1900 г. В 1903 г. оно распространилось и на Виленскую, Гродненскую и Ковенскую губернии, где назначение земских начальников было предоставлено виленскому генерал-губернатору.

Судебные полномочия земских начальников определялись «Правилами об устройстве судебной части в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках» от 29 декабря 1889 г. Земские начальники рассматривали как гражданские, так и уголовные дела. К первой категории относились дела по спорам и искам на сумму не свыше 500 руб., которые возникали по найму земельных угодий, а также по найму находившихся при таких угодьях оброчных и доходных статей и по личному найму на сельские работы, в сельскохозяйственные должности и в услужение; дела о восстановлении нарушенного владения, когда со времени нарушения прошло не больше шести месяцев; дела о потравах и о других повреждениях полей, лугов и угодий, когда сумма ущерба не превышала 500 руб., а также иски о личных обидах и оскорблениях, о движимости и о вознаграждении за вред и убытки на сумму не выше 300 руб.[6]

На практике оказалось, что наиболее распространенными стали иски об аренде земельных угодий. Например, А. Карпилович, проживавший в имении Пашковичи Сенницкой волости Минского уезда подал иск против Х. Бригадира. Последний взял у А. Карпиловича в аренду 50 десятин земли и постройки

в урочище Веселуха Сенницкой волости. Плату за аренду земли арендатор внес вовремя, но задолжал за аренду построек и огорода 300 руб. На судебное разбирательство, которое состоялось 2 июня 1911 г., арендатор не явился. Земский начальник 1-го участка Минского уезда постановил немедленно вернуть долг, в противном случае имущество должника будет арестовано. Согласно исполнительному листу у Х. Бригадира было арестовано все движимое имущество, которое включало 2 лошади и 10 коров на сумму в 305 руб. в пользу истца[7].

К компетенции земского начальника относились дела о восстановлении нарушенного владения. Характерным для этой категории дел является иск крестьян деревни Рубилки Самохваловичской волости Минского уезда Г. Басалая и И. Рыся к Ф. Липницкому о восстановлении нарушенного владения. Ф. Липницкий в октябре 1911 г. самовольно завладел участком сенокосной земли в деревне Рубилки, который принадлежал истцам. Земский начальник 1-го участка Минского уезда на открытом судебном заседании 30 июня 1912 г. разбирал данное дело и постановил вернуть хозяевам участок земли и взыскать с Ф. Липницкого в пользу истцов 10 руб. убытка[8].

Примером дела о потравах может служить иск землевладельцев И. и Б. Гельпериновых к дворянину Ф. Мацкевичу. Братья Гельпериновы, проживавшие в урочище Недвежин Сенницкой волости Минского уезда, обвиняли своего соседа Ф. Мацкевича в том, что он неоднократно проезжал по вспаханному полю и потравил рожь. Однако земский начальник 1-го участка Минского уезда закрыл это дело, так как стороны на судебное заседание не явились[9].

Иск крестьянина М. Самосейки, проживавшего в деревне Рубилки Самохваловичской волости, может послужить типичным примером дела о возмещении убытков. М. Самосейка предъявил иск к имуществу умершей дворянки В. Парфианович, на лечение и уход за которой крестьянин израсходовал 45 руб. из личных средств. Земский начальник 1-го участка Минского уезда на судебном заседании постановил взыскать с имущества умершей в пользу истца 45 руб. за лечение и 1 руб. 50 коп. судебных издержек[10].

К ведению земских начальников относились следующие уголовные дела: беспатентная продажа питейных и табачных изделий и другие проступки против Устава об акцизном сборе; проступки, предусмотренные в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, за исключением краж со взломом и ростовщичества. К проступкам, которые предусмотрены в Уставе о наказаниях и перешли в ведение земских начальников, относились дела против управления (неисполнение распоряжений, требований и постановлений правительственных и полицейских властей, ослушание и оскорбление полицейских и жандармов, порча и истребление выставленных по распоряжению властей гербов, подписей или объявлений); проступки против благочиния, порядка и спокойствия (нарушение порядка в церкви, драка в общественных местах, распространение ложных слухов, появление «пьяным до беспамятства» в общественных местах и т. д.); проступки против общественного благоустройства (засорение рек, каналов, источников и колодцев, охота или рыбная ловля без разрешения, в запрещенное время или с чужим охотничьим свидетельством); нарушение уставов: о паспортах, строительного, питейного, почтового, телеграфного, о табачном сборе и путях сообщения; нарушение правил осторожности от пожаров; проступки против личной безопасности (хранение оружия и пороха), семейных прав, народного здравия; проступки против чужой собственности (самовольное на чужих землях срывание плодов, овощей, зерна; добыча песка и глины; охота, рыбная ловля, пастьба скота; проход, проезд и прогон скота через чужие луга, поля; похищение леса, самовольная порубка, кражи, мошенничество); оскорбление чести, угрозы, насилие[11].

На практике самой многочисленной категорией уголовных дел в Минском уезде являлись кражи, вырубки леса и выпас скота на чужих угодьях. Согласно данным 1-го участка Минского уезда за период с 1902 по 1912 г. подобные дела составляли 43 % (25 дел из 57) от всех уголовных дел[12]. Типичным примером является иск С. Биндера, который был управляющим имением Слепянка Минской губернии помещика П. Ваньковича. Он подал иск земскому начальнику с просьбой привлечь к уголовной ответственности крестьянина Ф. Шмита за порубку сосновых деревьев. Земский начальник 1-го участка Минского уезда признал обвинение недоказанным, а Ф. Шмита оправданным[13].

Второй по численности категорией дел является оскорбление словами и действиями. Они составляют согласно данным 1-го участка Минского уезда 35 % (20 из 57 дел) от всех уголовных дел. Примером дела об оскорблении действиями может послужить обвинение мещан Л. и Б. Рудицких в нанесении побоев дворянину С. Эйсмонту, проживавшему в урочище Широкое Болото Сенницкой волости Минского уезда[14].

Большинство постановлений земских начальников подлежали обжалованию в уездный съезд или в губернское присутствие. В уездном съезде существовало два присутствия: административное и судебное. Последнее образовывалось под председательством уездного предводителя дворянства (в местностях, где не производится дворянских выборов, – под председательством особого председателя) из уездного члена окружного суда, почетных мировых судей, городских судей и земских начальников[15]. Судебное присутствие тоже не является в полном смысле слова судебным органом, так как его председатель и земские начальники – лица административного ведомства[16].

Кроме того, на земских начальников возлагался надзор за деятельностью волостных судов и их решениями[17]. На практике оказалось, что контроль над деятельностью волостных судов отнимал у земских начальников также немало времени.

Вопрос о реформировании волостных судов поднимался неоднократно. В Минской губернии согласно указу Сената в 1904 г. было создано Губернское совещание по пересмотру законодательства

о крестьянах. На обсуждении новых проектов законоположений о крестьянах остро стал вопрос о сохранении волостного суда как низшей судебной инстанции. Земские начальники высказали различные мнения по этому вопросу. Земский начальник 5-го участка Пинского уезда И. А. Папа-Афонасопуло высказал мнение, что волостные суды необходимо реформировать. Он аргументировал свое мнение тем, что «личный состав суда малограмотный, содержание суда слишком мало и порядочные люди на эту должность не идут. В судах развито взяточничество, которое вызывает лжесвидетелей. Сами крестьяне крайне не сочувственно относятся к волостному суду, состоящему из своих безграмотных крестьян, которым вручена судьба всех их имущественных интересов»[18]. Непременный член губернского присутствия В. А. Щепотьев высказал совершенно противоположное мнение о том, что «волостные суды в настоящее время соответствуют своему назначению. Об этом свидетельствует тот факт, что процент обжалуемых решений волостных судов в губернском присутствии очень незначителен. Кроме того, народ любит свой выборный, близко стоящий к нему суд, который лучше знает их нужды, чем чиновник, подчас не знающий вовсе народной жизни». Мнение В. А. Щепотьева поддержали земские начальники 1-го участка Слуцкого уезда П. И. Бильченко и 5-го участка Новогрудского уезда А. Д. Петров[19].

На практике совмещение в руках земских начальников административной и судебной власти, функций надзора за волостными судами оказалось малоэффективным. Судья-администратор, на которого к тому же был возложен контроль над деятельностью низших судебных инстанций, не мог должным образом справиться со всеми возложенными на него функциями. После принятия Положения о земских участковых начальниках именно совмещение в руках земских начальников административной и судебной власти вызвало резкую критику. И судья, и администратор должны обладать специальными знаниями и умениями, так как каждая деятельность имеет свою специфику. При назначении же на должность земского начальника образовательный ценз играл скорее второстепенную роль, так как он может быть заменен службой не менее трех лет в должностях мирового посредника, мирового судьи и непременного члена присутствия по крестьянским делам[20].

Критику вызвала и сама идея о совмещении властей. В судебной реформе 1864 г. был отражен один из главных принципов судоустройства и судопроизводства: отделение суда от администрации. Принцип разделения властей стал коренным началом, на котором были основаны судебные уставы императора Александра II. Судебная деятельность была отделена от деятельности законодательной и административной, так как всякое подчинение, по мнению разработчиков судебной реформы, судебного места лицу или месту правительственному ослабляет высокое звание суда, ограничивает его права применять законы беспристрастно, несмотря на лица, не внимая ничьим требованиям и предложениям[21]. Судья должен быть независим, независимость же административного органа рождает произвол. Для защиты населения от произвола необходимо, чтобы взыскания за неисполнения законных требований властей налагались не ими самими, а судом, который находится вне всякой зависимости от администрации[22]. Разногласия о совмещении судебных и административных полномочий в руках земских начальников и привели к разработке нового проекта о реформе местного суда. Государственная Дума третьего созыва приняла закон от 15 июля 1912 г. «О преобразовании местного суда», согласно которому в Российской империи восстанавливался выборный мировой суд, а судебные функции земских начальников были отменены.

Реформа местного самоуправления затронула многие сферы белорусской деревни, так как она должна была создать на местах власть «близкую к народу», которая осуществляла бы многостороннюю опеку над крестьянством. В связи с этим земские начальники соединили в своих руках как административные, так и судебные полномочия. В результате их деятельность в сфере правосудия оказалась малоэффективной, причиной чего стали слишком обширные функции и отсутствие должного контроля со стороны губернского присутствия и губернаторов, а также то, что многие земские начальники не имели опыта в судебной практике. Поэтому судебные полномочия земских начальников были отменены.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату: Указ императора Александра III № 6196 от 12 июня 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1889. Т. 9. С. 509–511.
2 См.: Башкирева Н. В. Земские участковые начальники Воронежской губернии; состав, функции, деятельность (1889–1917 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 2010.
3 См.: Джаншиев Г. Из эпохи великих реформ. М., 1892. С. 212.
4 См.: Самбук С. М. Политика царизма в Беларуси во второй половине XIX века. Минск, 1980. С. 96.
5 Там же. С. 98.
6 См.: Положение о Земских участковых начальниках: Указ императора Александра III № 6196 от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1889. Т. 9. С. 525.
7 См.: НИАБ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 45. Л. 3.
8 Там же. Д. 63. Л. 5.
9 Там же. Д. 5. Л. 8.
10 Там же. Д. 40. Л. 3.
11 См.: Бузанова Н. А. Земские начальники Тамбовской губернии (1889–1917 гг.): дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2005. С. 127.
12 См.: НИАБ. Ф. 259. Оп. 1.
13 Там же. Ф. 259. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.
14 Там же. Д. 9. Л. 1.
15 См.: Положение о Земских участковых начальниках… С. 518.

[16] См.: Загоровский А. Очерки гражданского судопроизводства в новых административно-судебных и судебных учреждениях (у земских начальников, городских судей, уездных съездах и губернских присутствиях). М., 2004. С. 21.
[17] См.: Беэр В. А. Комментарии новых провинциальных учреждений, 12 июня 1889 г. М., 1894. С. 74.
[18] НИАБ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.
[19] Там же. Л. 21.
[20] См.: Положение о Земских участковых начальниках… С. 511.
[21] См.: Загоровский А. Указ. соч. С. 18.
[22] См.: Кожухар К. Я. Земские начальники // Вестн. права. 1905. № 5. С. 92–132.

Поступила в редакцию 28.05.13.

***Анна Анатольевна Страленя*** – аспирантка кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени А. Г. Кохановский.

*УДК 9(476)*

*А. А. КУХАРЕНКО*

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ (1906–1914)

Показана роль Крестьянского поземельного банка в реализации столыпинской аграрной реформы на территории Беларуси. Указывается, что на данный момент существует необходимость пересмотра устоявшихся подходов к деятельности Крестьянского поземельного банка, сформулированных в рамках советской исторической науки. Отличительные особенности, которые прослеживаются в деятельности банка по разрешению давно назревшего аграрного вопроса на территории белорусских губерний, еще до конца не изучены. Это обстоятельство определяет новизну данной темы. Кроме этого, выбранная для исследования тема имеет не только научно-теоретическое, но и практическое значение, что обусловливает ее актуальность и необходимость глубокого изучения.

***Ключевые слова:*** Крестьянский поземельный банк; ссуда; залог земли; землеустройство; банковская благотворительность; отдельные домохозяева; сельские общества; товарищества крестьян; столыпинская аграрная реформа.

The role of the Peasant Land Bank in the realization of the Stolypin agrarian reform on the territory of Belarus is shown in the work. It is necessary to note, that at present there is a necessity of revision of the settled approaches to the activity of the Peasant Land Bank, formulated in the Soviet historical science. Distinctive features which are traced in the activity of the Bank to solve the agrarian question on the territory of Belarus provinces, are not studied in the scientific literature up to the end. This circumstance defines the novelty of the theme. Besides, the theme of the research does not have only scientific-theoretical, but also practical value that explains its topicality and the necessity of deep study.

***Key words:*** Peasant Land Bank; credit; earth pledge; land management; bank charity; separate peasants; rural communities; associations of peasants; Stolypin agrarian reform.

Сельскохозяйственный кредит, в первую очередь ипотечный, был важным фактором, который включал сельское хозяйство в единую экономическую систему Российской империи. Ипотечные банки выступили в качестве одной из причин процесса мобилизации земельной собственности. В свою очередь, Крестьянскому поземельному банку отводилась главная роль в экономической политике по увеличению земельного обеспечения крестьянского хозяйства посредством продажи при содействии банка части помещичьих земель. Такой опыт деятельности ипотечного учреждения является без преувеличения уникальным в мировой практике. Поэтому исследование работы банка на белорусских землях приобретает особый научный интерес.

Цель данной статьи – показать роль Крестьянского поземельного банка в реализации столыпинской аграрной реформы на территории Беларуси.

В 1960-е гг. были сделаны первые попытки проанализировать деятельность банка на белорусских землях. Вначале появилась коллективная работа отечественных экономистов-историков[1], в которую вошла глава «Кредит и банки», а затем отдельная статья З. И. Гиаргидзе «Сялянскі пазямельны банк у Беларусі (1883–1917 гг.)»[2]. Основной вывод этих исследований сводился к тому, что роль Крестьянского поземельного банка в осуществлении столыпинской аграрной реформы имела противоречивый характер. Разрушая старое феодальное хозяйство и способствуя развитию капитализма, банк в то же время поддерживал помещичий строй и способствовал перекачке огромных денежных средств в распоряжение крупных землевладельцев. В современной историографии деятельность Крестьянского поземельного банка на территории Беларуси была переосмыслена. Ю. Л. Грузицкий сумел показать, что банку отводилась ведущая роль в решении аграрного вопроса путем формирования системы частного крестьянского землевладения[3]. Однако до сих пор отсутствует комплексное исследование основных направлений деятельности банка на белорусских землях.

Таким образом, анализ советской и современной историографии позволяет говорить о том, что роль Крестьянского поземельного банка в проведении столыпинской аграрной реформы на территории Беларуси еще до конца не определена. Это обусловливает необходимость исследования деятельности банка, направленной на увеличение земельного обеспечения крестьян.

В начале XX в. земельный вопрос стоял на повестке дня и требовал незамедлительных реформ в сельском хозяйстве страны. Среди таких преобразований особое место отводилось аграрной реформе Столыпина, которая должна была изменить многовековой уклад жизни большей части населения